

**«ВСЕ, ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ОПИСАНО, МОЖЕТ И СЛУЧИТЬСЯ...»:  
К ОПИСАНИЮ СЕМАНТИКИ ТЕКСТА  
КАК МОДЕЛИ МЕЖМИРОВЫХ ОТНОШЕНИЙ**

**С. Т. Золян<sup>1,2</sup>**

<sup>1</sup> Балтийский федеральный университет им. И. Канта  
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

<sup>2</sup> Институт философии, социологии и права НАН Армении  
Армения, 375010, Ереван, ул. Арами, 44

Поступила в редакцию 05.08.2019 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-6

*В статье рассматриваются содержательные и формальные вопросы описания многомерной семантической организации текста, в частности возможности использования аппарата модальной семантики для отображения отношений между синтаксическими комплексами текста. С этой целью мы обращаемся к понятиям модели и модельной структуры, а также центрированного мира. Эти отношения могут быть описаны как система функций, соотносящих между собой языковые выражения текста, описываемые ими состояния дел (возможные миры) и контексты, в которых актуализируется текст. Существование индивидов (объектов) в мирах текста соотносится с возможностью описания. Предполагается, что текст может пониматься двояко: как линейная последовательность сегментов и как многомерная семантическая структура, показаны возможности интеграции обоих подходов. Особо рассматривается корреляция между механизмами связности текста и отношениями межмировой достижимости и прослеживания описываемых индивидов сквозь возможные миры. Предполагается, что разнообразие механизмов связности не позволяет ограничиваться только одним из механизмов прослеживания и требует учитывать различные конкурирующие между собой подходы. Приводимые положения иллюстрируются на примере пушкинского чернового отрывка «Когда б я был царь...».*

**Ключевые слова:** семантика текста, семантическая связность, семантика возможных миров, С. Крипке, «Когда б я был царь...» А. Пушкина.

Все, что может быть описано, может и случиться...  
Л. Витгенштейн. *Логико-философский трактат*

0. Предметом нашего рассмотрения станут возможности формализованного описания семантики текста посредством аппарата модальной логики, в первую очередь на основе введенных Солом Крипке понятий модели и модельной структуры (Kripke, 1963). Попытки использовать идеи и методы семантики возможных миров для анализа художественных текстов предпринимались неоднократно — в основном применительно к проблеме «истины в вымысле» (Lewis, 1978) и мнимых объектов (их обзор дан нами в: Золян, 2014 [1991]). Между тем этот



подход может быть распространен и на другие типы текстов: семантическую структуру текста можно рассматривать как некоторую специфическую систему возможных миров. Семантику предложения принято описывать как множество миров, в которых это предложение истинно, то есть имеет место описанное данным предложением состояние дел. Исходя из этого связи между смыслами предложений внутри текста можно представить как систему модальностных отношений, которыми связаны соответствующие множества миров, или, что то же самое, как правила соответствия перехода от одного множества миров к другому. Правила соответствия между этими множествами предстанут как маршруты межмировых путешествий. При этом следует предусмотреть наличие некоторого «центрированного мира». Дэвид Льюис, который ввел это важное понятие, сравнил его с картой, на которой стрелкой отмечено место, где указано «Вы находитесь здесь» (Lewis, 1979, 520). Д. Льюис и Д. Чандлер связывают координаты этого места и мира с координатами говорящего, точнее, с тройкой параметров, зависящих от контекстных характеристик высказывания. Как правило, это актуальный мир, но в художественных текстах говорящий оказывается локализован в мирах текста, и «актуальным» становится мир, описываемый как контекст, в котором были высказаны (написаны) предложения текста. Аналогичная ситуация может возникнуть и в случае других типов дискурса (исторического, политического, магического и т.п.). В свое время, исходя из возможной итерации миров, относительно которых определяется контекст говорящего (например, актуальный мир, мир, в котором высказывается данное предложение, мир, в котором якобы высказывается данное предложение, и т.д.), и вытекающей из этого неоднозначности, мы предложили (Золян, 2014 [1991]) применительно к семантике текста выделить некоторый мир, который является «привилегированным» или «отмеченным» по отношению к другим мирам текста и который при формализации посредством модельной структуры С. Крипке можно будет идентифицировать с миром, относительно которого задаются условия достижимости применительно к другим мирам<sup>1</sup>. Предлагаемое понимание может быть развито для осмысления семантической организации текста.

1. Существуют два основных понимания того, что есть текст. Согласно первому, линейному, текст есть некоторая удовлетворяющая определенным лингвистическим условиям последовательность предложений. Согласно второму, интегральному, текст понимается как целостная многомерная семантическая структура или даже структура

---

<sup>1</sup> С. Крипке условно называл такой мир «реальным» (Kripke, 1963, p. 28), это верно применительно к большинству типу текстов, но не для всех, почему мы и предпочитаем нейтральный термин «отмеченный» или «привилегированный». Реальный мир не всегда является центрированным. Ср. со стихотворением «Я убит подо Ржевом»: мир текста центрирован относительно не реального мира Твардовского, а представленного как актуальный мира-контекста говорящего — убитого солдата.



структур, включающая в том числе и смысловые структуры, вербально не зафиксированные в данной линейной последовательности (такие как контекстуальные и интертекстуальные). Попытаемся совместить оба эти понимания в одном описании, но при этом рассматривая их как два уровня текстовой организации. Смысловые отношения между предложениями должны быть определенным образом зафиксированы в тексте. Применительно к данному аспекту эти отношения будут определяться посредством текстовых операторов, соотносящих одно множество миров с другими, достижимыми из первого. Наименее осложненной или даже прототипической текстуальной репрезентацией отношения идентичности можно считать следующее: все индивиды (объекты) входят в одно и то же множество, общее для всех миров, описываемых текстом, и являющееся областью его интерпретации (предметной областью) *D*. Проще говоря, это то, о чем сказано в тексте: «*D* can be anything we want to talk about» (Cresswell, 1994, p. 43)<sup>2</sup>. Исходя из этого, можно считать, что предметная область — индивиды, «обитающие» в мирах текста, — репрезентируется тематическими структурами текста («о чем говорится в данном тексте»). Языковые средства должны обеспечить идентичность описываемых объектов (индивидов) при различных состояниях дел. Эти средства, или операторы, могут мыслиться как средства, поддерживающие, с одной стороны, связность и целостность между сегментами текста, а с другой — являющиеся маркерами отношений межмировой достижимости и совместимости. Поскольку сами по себе логико-семантические коннекторы, связующие миры, не могут изменять модальные отношения, а только указывают на них, линейная организация текста влечет за собой межмировую однородность: все миры-предложения представляют модальностные вариации одного и того же централизованного мира, а имена функционируют как жесткие десигнаторы: во всех предложениях (мирах) одни и те же имена выделяют одних и тех же индивидов, но уже с иными характеристиками и при иных состояниях дел (Kripke, 1980). В лингвистических терминах это отношение может быть описано как связность, которая отражает следующее модально-семантическое свойство текста: различные миры не только являются результатом некоторой модальной трансформации, но также связаны благодаря тому факту, что описываемым мирам текста приписана одна и та же предметная область и одни и те же индивиды. Однако такое понимание оказывается недостаточным, поскольку а) могут существовать тексты, которые будут плюрицентричными и предполагающими более чем одного говорящего; б) связ-

---

<sup>2</sup> Точка зрения М. Крессвелла, несколько иронично названная им *трансмундализмом*, может быть рассмотрена как компромиссное решение относительно возможности «межмирового» существования индивидов: «Transmundalism as such has nothing to say about what can be in *D*... Ordinary concrete individual is a function from world to sets of space-time points, each such set being the “manifestation” of that individual in that world. Nothing at all has been said about whether the member of *D* are understood to be only actual individual or to allow merely possible individuals» (Cresswell, 1994, p. 43–44).



ность между сегментами текста будет основываться на отличающихся механизмах связности; в) вместо отношения идентичности между индивидами из различных миров могут существовать отношения соотносимости или сопоставимости (например, «близнечные» отношения, по Д. Льюису).

2. Каким образом задается функция прослеживания индивидов применительно к тексту? Ограничимся общим ответом: способом задания межмировой функции соотнесения может оказаться любой из механизмов внутритекстовой семантической связности. Должна наличествовать определенная предметная область, общая для всех предложений текста. Предметная область интерпретации любого предложения должна совпасть с текстовой предметной областью или быть ее подмножеством. Из этого следует, что текст некоторым образом задает функцию, согласно которой индивид, входящий в предметную область текста, прослеживается сквозь возможные миры, соответствующие другим предложениям текста. Можно допустить существование некоторых базисных текст-индивидов, аналогичных базисным индивидам М. Крессвела (Cresswell, 1973, p. 9) и выступающих функцией от текстовой индивидуальной области к возможным мирам. Значением этой функции в возможном мире  $X$  будет «манifestация» данного текстового индивида в предложенческих мирах, причем в разных мирах индивид может характеризоваться различными свойствами, а в некоторых получать нулевую манифестацию (как, например, дядя Евгения Онегина в мирах романа «Евгений Онегин»: он входит в предметную область романа, о нем говорится в тексте, но во всех предложенческих мирах он манифестирован как «пустой» объект). Такой подход подсказывает, каким образом то, что М. Крессвел называл базисными индивидами, можно «перевести» в индивиды текстуальные.

Отметим, что рассмотрение этих лингвистических механизмов показывает правомерность каждого из трех доминирующих в настоящее время подходов к семантическим механизмам межмирового прослеживания — не только вышеупомянутой концепции жестких десигнаторов С. Кришке, в которой определяющим является имя индивида, но и теории Я. Хинтикки (Hintikka, 1972), в качестве определяющих рассматривающей свойства и отношения, и концепции «двойников» Д. Льюиса, согласно которой ни один индивид не может существовать в нескольких мирах и мы имеем дело не с тем же индивидом, а с его «копиями» (Lewis, 1968).

Отношение связности может основываться на различных онтологических допущениях, и в ряде случаев следует обратиться не к теории жестких десигнаторов С. Кришке, а к их альтернативам. В этих теориях связность будет обеспечиваться не путем наименования, а на основании предикативных или атрибутивных отношений, описывающих свойства и отношения, характеризующие индивида в том или ином мире (подход Я. Хинтикки). Можно также предположить, что одни и те же имена могут относиться к индивидам-двойникам — индивиды из различных миров являются не тождественными, а только похожими и



принадлежат только тому миру, который их описывает (концепция Д. Льюиса). В таких случаях имена перестают выступать как жесткие десигнаторы, используются такие языковые средства, которые основаны на различиях между переносным и буквальным именованием либо между семантической референцией и референцией говорящего или же на каких-либо иных механизмах, учитывающих многозначность языкового знака. Каждый из подходов отражает различные аспекты внутри-текстовой связности, причем на их основе возможно уточнить некоторые из разработанных в лингвистике текста положений. Например, повторная отличающаяся номинация, которая обычно объясняется чисто словарными отношениями между лексемами, есть в то же время соотношенность между индивидами из миров, соответствующих различным предложениям.

3. При логико-семантическом представлении, как то предполагалось еще при первых попытках его формализации (см.: Гиндин, 1982; Лотман М., 1988), смысл текста ( $T_{\text{sense}}$ ) есть результат текстовых операций над языковыми смыслами, что можно представить как результат операции соединения (конкатенации, проекции, отображения) последовательности текстовых операторов  $\langle t_1, \dots, t_n \rangle$  и структуры смыслов  $\langle \varphi_1, \dots, \varphi_n \rangle$ . Эта операция  $X$  приводит к некоторой структуре, «смыслу текста»:

$$\langle t_1, \dots, t_n \rangle X \langle \varphi_1, \dots, \varphi_n \rangle \longrightarrow T_{\text{sense}} \langle E^*_1, \dots, E^*_n \rangle,$$

или, что то же самое,

$$T_{\text{sense}} \langle E_1, \dots, E_n \rangle \longrightarrow \langle E^*_1, \dots, E^*_n \rangle,$$

где  $T_{\text{sense}}$  — обобщенное представление текстовых операторов  $\langle t_1, \dots, t_n \rangle$ ,  $E$  — языковые выражения текста,  $E^*$  — результат преобразования текстовыми операторами смыслов составляющих текст языковых выражений  $E$  или пропозиции, получаемые в результате наложения текстовых операторов на смыслы языковых выражений. Как текстуальные операторы можно рассматривать все те различные формы связи между предложениями и ситуациями, которые представляют различные отношения межмировой достижимости. Эти операторы могут быть логическими или квазилогическими: «и», «если... то», «вследствие», равно как и их повествовательные корреляты («как результат», «для этого», «благодаря этому» «из-за этого» и т. д.). Учитывая связь логических и темпоральных характеристик (по принципу: «после этого — вследствие этого»), их могут заменять чисто нарративные операторы: «раньше — позже», «тогда же» и т. п. Подобные связки-операторы могут быть сведены к чисто синтаксическим и описаны как открытый список возможных конъюнктивов и коннективов, связывающих предложения и сегменты текста. В наиболее общей форме первый, линейный уровень семантики текста  $T_{\text{meaning}}$  может быть представлен как упорядоченная последовательность  $\langle E_1, \dots, E_n \rangle$  выражений текста  $E_x$ , где под «выражением» понимается некоторый эксплицитно выраженный смысловой сегмент текста (предложение, фрагмент и т. д.), но не имплицитные смысловые структуры (пресуппозиции, интертексты, имплицитур и



т.д.). Огрубляя, можно определить процесс линейной репрезентации текста как пошаговую экспликацию семантических и прагматических пресуппозиций финального предложения — какие предшествующие события привели к тому состоянию дел, которое описывается заключающим предложением.

Простейшими, или, точнее, прототипическими типами линейной организации текстов можно обобщенно считать следующие:

1) биография, когда индивид прослеживается сквозь различные темпоральные миры или, что то же самое, сквозь различные временные состояния одного и того же мира;

2) каталог, или описание всех наличествующих в данном мире индивидов или событий в определенный момент времени;

3) карта — описание различающихся по своей модальности миров, существующих в определенный момент времени (например, актуальный мир и его деонтические или эпистемические альтернативы или контрфактуальные миры).

Возможны разнообразные многочисленные вариации этих трех типов, но тем не менее эти миры будут гомогенными в том смысле, что будут представлять различные трансфигурации одного и того же централизованного мира, и поэтому одни и те же модальные отношения будут определять отношения между мирами, описываемыми различными выражениями — сегментами текста. Например, в случае биографии это будет отношение «иметь место до момента времени  $t$  — после времени  $t$ »; второй мир достижим из первого в том отношении, что через некоторое время первый преобразуется во второй: мир, в котором в 1799 году родился Пушкин, преобразуется в 1837 году в мир, в котором Пушкина убьют на дуэли. В случае каталога это описание того, что имеет или не имеет место в некоторый момент  $t$  применительно к одному и тому же локусу  $l$ , это напоминает определение возможного мира по Карнапу — как полного описания состояний. В случае карты это описание возможных состояний применительно к одному и тому же моменту, но в различных локусах, если понимать под локусом не только физическое пространство, но и пространство возможностей — различающиеся в модальном отношении стратифицированные области интерпретации.

4. Преобразование линейной текст-структуры в многомерную (или нелинейную композицию) предполагает, что логико-семантические связки оказываются осложнены модальными, причем так, что появляются новые миры, централизованные иначе, чем при линейном структурировании текста. Это миры деонтических норм, интенций, миры вообразимые (сновидений, желаний), интертекстуальные, воспроизводимые миры персонажей, отличные от миров повествователя, миры — результат цитации или диалога и пр. Formой выражения этих миров оказывается текст в тексте (ср.: Лотман, 1981). Становится необходимой многомерная интерпретация выражений (предложений) в различных мирах, отличающихся своим онтологическим статусом (это актуальный



мир, вымышленный мир, контрфактический мир, мир-в-будущем и т. п.). Это приводит к постоянному изменению референции истинностного значения. Так, применительно к биографии Пушкина референция и истинностное значение предложения «Пушкин был убит на дуэли» изменению не подлежат. Однако предложение «Ленский был убит на дуэли» изменяет истинностное значение от мира к миру: оно ложно или бессмысленно применительно к актуальному событийному миру (такого индивида и события в истории не существовало) и истинно применительно к миру романа «Евгений Онегин» и порожденному этим романом перенесенному в актуальный мир «цитируемому» состоянию дел. Так, в стихотворении Лермонтова «На смерть поэта» эти два события из разных миров представлены как произошедшие в одном и том же центрированном относительно поэта-Лермонтова мире: убийству Пушкина предшествовало убийство Ленского.

И он убит – и взят могилой,  
 Как тот певец, неведомый, но милый,  
 Добыча ревности глухой,  
 Воспетый им с такою чудной силой,  
 Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Вместе с тем Лермонтов указывает и на цитатное и одновременно текстуальное происхождение события («воспетый»). Безусловно, Лермонтов разграничивал эти два мира, но для него они выступают как сопряженные в одной системе (модельной структуре, см. ниже).

Как видим, если на первом этапе, при описании смысловых структур текста, оказываются достаточными языковые смыслы и текстовые операторы, то переход от *смысла* текста к его значению (референции) потребует дополнительных параметров: должно быть задано также множество возможных миров и контекстов, включающих адресата и адресанта. В такой прагмасемантической версии они вписаны в текст – как некоторые параметры возможных интерпретаций. Контекст зависит от текста (кто, где и как может создать или интерпретировать данный текст).

Переход от смысла текста к его значению можно представить как функцию

$$\langle E^*_1, \dots, E^*_n \rangle \xrightarrow{T_{\text{sense}}} T_{\text{meaning}}$$

или, в развернутой форме,

$$T_{\text{sense}}, \langle E^*_1, \dots, E^*_n \rangle, V \longrightarrow T_{\text{meaning}}, \{W_0, \{W\}, R\},$$

где  $V$  – универсум возможных миров,  $\{W_0, \{W\}, R\}$  – модельная структура С. Кришке, в которой  $\{W\}$  – некоторое множество возможных миров,  $W_0$  – входящий в это множество отмеченный мир,  $R$  – заданное на множестве отношение достижимости (Kripke, 1963). Из некоторого универсума возможных миров выбирается «отмеченный» мир (мир текста?) и множество достижимых из него миров. Смысл текста есть



функция, которая, сопоставляясь с предметной областью — неупорядоченным множеством миров (универсумом  $\{V\}$ ), выделяет в этом универсуме  $\{V\}$  некоторую структуру миров, или модельную структуру. Модельная структура — это множество связанных отношениями достижимости миров или некоторый мир и заданные на нем отношения перехода к другим мирам.

Введя модельную структуру  $S$ . Крипке, нам следует использовать и неотделимое от нее понятие модели, то есть заданной на модельной структуре бинарной функции  $f(E, W)$ , где  $E$  — пропозиция (смысл предложения),  $W$  — мир из множества  $\{W\}$ , а областью значения функции будет истинностное значение  $\{T, F\}$  данной пропозиции в рассматриваемом мире. Можно задать различные прагмасемантические координаты, благодаря чему возможно введение новых контекстуально обусловленных модельных структур. В таком случае языковые выражения текста  $\langle E^*_1, \dots, E^*_n \rangle$  будут соотноситься с множеством возможных миров — моделей данного предложения, определенных применительно к некоторому контексту:

$$\langle E^*_1, \dots, E^*_n \rangle, \{W_0, \{W\}, R\}, C \longrightarrow \{T, F\}.$$

Это такая функция, которая, сопоставляясь с фактуальной информацией о возможных мирах и контексте  $C$ , определяет истинностное значение: имеет ( $T$  — true, истинно) или не имеет место ( $F$  — false, ложно) выраженная  $E$  пропозиция в рассматриваемом мире (последний не обязательно должен быть актуальным миром или миром контекста). Напомним, что условия истинности принято трактовать как смысл предложения. Тем самым, данная пропозиция  $E$  из множества описывающих некоторый мир пропозиций  $\langle E_1 \dots E_n \rangle$  выделит то входящее во множество возможных миров  $\{W_1 \dots W_n\}$  подмножество  $\{W_x\}$ , в котором имеет место соответствующее  $E$  состояние дел, или, иначе говоря, в каких мирах соответствующие некоторому отдельно взятому предложению пропозиции имеют место, в каких — нет. Содержательно это может пониматься как способ определить относительно некоторой пропозиции, имеет или не имеет место в тех или иных мирах текста соответствующее положение дел. В наших терминах, поскольку мы исходим из языковых выражений, это то множество миров, относительно которых соответствующее рассматриваемому выражению предложение осмысленно и определены условия его истинности. Таким образом, пропозиция оценивается не относительно универсума миров, как это происходит в случае изолированного предложения, а внутри уже определенной модельной структуры, то есть тех миров, которые входят в множество  $\{W\}$  и, согласно вышеприведенному определению, составляют значение текста. То или иное понимание текста (или его интерпретация) предстанет как содержательный аспект того, что формально может быть описано как конструирование той или иной центрированной модельной структуры, которая позволяет оценить, какие соответствующие тем или иным отдельным предложениям миры и в каком отношении совместимы между собой, а какие — несовместимы. Это позволяет описать, какие состояния дел (возможные миры) возможны относи-





тельно данного текста — например, в каком отношении миры последующих предложений достижимы из миров предыдущих (подробнее обоснование дано в: Золян, 2013).

5. Продемонстрируем тезис о многомерности и «многомирности» семантики текста на примере пушкинского чернового фрагмента «Когда б я был царь...» (публикаторами ему приписано заглавие «Воображаемый разговор с Александром I»). Он важен в биографическом аспекте, предельно ясно отражая отношения между молодым Пушкиным и властью (Александром), как то воспринималось самим поэтом, а также проясняя некоторые эпизоды его южной ссылки (отношения с Инзовым, Воронцовым т.д.). Вместе с тем рассматриваемый фрагмент в сгущенном виде представляет принципы поэтики Пушкина, которые позднее воплотились в первую очередь в его прозаических произведениях. Это принимающая различные формы игра модальностями, делающая взаимопроницаемыми действительное и воображаемое. Данная особенность характерна для творчества Пушкина в целом, о чем в различной связи неоднократно писал Ю.М. Лотман. Систему подобных средств мы рассматриваем как особую поэтику модальности. При таком подходе на основе внутритекстового анализа и сопоставления с другими произведениями Пушкина мы предлагаем интерпретировать этот фрагмент не как черновой отрывок, а как новеллу, текстологическая двусмысленность которой также является художественным приемом. Здесь можно обнаружить тот же принцип, что и в ряде произведений Пушкина: это превращение персонажа в автора, а автора — в персонажа и читателя. Динамика сюжета, обычно создаваемая межсобытийными связями, в данном случае создается изменениями модальных отношений — отношениями межмировой достижимости, перехода из одного мира — в другой, из одного времени — в другое, из одного состояния — в другое (сон — явь), из одной пропозициональной установки — в другую (придумать, прочитав, вспомнить и т.д.).

Черновик написан от имени царя, поэтому его реальный автор (Пушкин) оказывается персонажем:

Когда б я был царь, то позвал бы Александра Пушкина и сказал ему: «Александр Сергеевич, вы прекрасно сочиняете стихи». Александр Пушкин поклонился бы мне с некоторым скромным замешательством, а я бы продолжал...

Но в вымышленном мире, где Пушкин стал царем, другой Пушкин все еще остается поэтом, который рассказывает о реальных эпизодах своей биографии. Во время этого разговора Пушкин, дав требуемые объяснения, демонстрирует свое уважение к царю и надеется на его великодушие. Александр собирался простить поэта, но предложения, соответствующие этой возможности, оказались перечеркнуты — вместо этого была создана противоположная версия (впрочем, также перечеркнутая):



Но тут бы Пушкин (перечеркнуто изначально написанное «я». — С.3.) разгорячился и наговорил мне много лишнего, я бы рассердился и сослал его в Сибирь, где бы он написал поэму «Ермак» или «Кочум», разными размерами с рифмами.

Единственная разница между этим вымышленным и реальным миром заключалась в том, что Пушкина в воображаемом мире царь отправит уже в Сибирь (а не на Кавказ), где он будет писать стихи не на кавказские (что он и делал в действительности), а на сибирские темы... Тем не менее вымышленная беседа оказалась близка к предсказанию. История делает неожиданный шаг — в соответствии с вынесенным нами в заголовок утверждением Витгенштейна: «Все, что может быть описано, может и случиться». Вскоре после сделанной Пушкиным записи Александр I скончался, а новый царь Николай I послал жандармов, чтобы те срочно доставили поэта к нему для личной беседы. Пушкин был в неведении, куда и зачем его везут. Были возможны оба варианта его черновика: ссылка в Сибирь или официальное помилование. Парадоксальным образом обе эти альтернативы были реализованы — так зачеркнутый текст стал реальным событием. Пушкин получил разрешение вернуться в столицу, но вместе с тем новый царь стал его личным цензором (царский надзор не был снят). О характере беседы нового царя и Пушкина также сохранились противоречивые сведения.

Реальный и воображаемый миры существенно не отличаются — в обоих царь наказывает поэта за его высказывания. Вымышленный текст и реальный мир представлены как взаимопроницаемые семантические области, и их взаимопроникновение определяет многозначную интерпретацию. При этом двойное «я» текста («я-Пушкин» и «я-Пушкин-царь») приводит к двойной центрированности миров текста, что делает невозможным определение, кто есть говорящий, в результате чего и высказывания подлежат многомерной интерпретации. Пушкин-нарратор со второго предложения теряет свое «я», нарратором становится «Пушкин, ставший царем», который наказывает Пушкина-персонажа («Пушкина, оставшегося Пушкиным»). Двухмерная структура записи оказывается недостаточной. Данный фрагмент с его многочисленными вариантами представляет собой один из труднейших случаев расшифровки пушкинских черновиков (см.: Бонди, 1952). Но именно форма черновика, нотация, в которой зафиксированы как зачеркнутые, так и восстановленные варианты, создает возможность преодолеть линейность письма и представить многомерную структуру описываемого события. Различные варианты текста могут быть рассмотрены одновременно как возможные варианты развития событий. Перечеркнутый (нереализованный) вариант (царь прощает Пушкина) дан на фоне своеобразного оксюморона: «контрфактуального, но актуального-в-тексте» — мира, в котором царь ссылает Пушкина в Сибирь. Черновик выступает как аналог гипертекста. Адекватным описанием семантики текста может оказаться именно модельная структура — система взаимопроницаемых (достижимых) миров (реальный мир, воображаемый контрфактуальный мир, мир-в будущем и даже мир «Бориса Годуно-



ва», поскольку отрывок написан в той же тетради, что и черновик трагедии, это ее и интекст, и интертекст<sup>3</sup>). Существенными оказываются не они сами по себе, а их соотношенность внутри системы, полное описание которой — предмет намечаемого нами отдельного исследования.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта № 18-18-00442 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.*

### Список литературы

Бонди С. Подлинный текст и политическое содержание «Воображаемого разговора с Александром I» // Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 167–194.

Гиндин С.И. Некоторые уроки и возможные перспективы контактов между логикой и лингвистической теорией текста. // Логический анализ естественно-языка. Вильнюс: Ин-т философии, социологии и права АН Литовской ССР, 1982. С. 111–115.

Золян С.Т. «Бесконечный лабиринт сцеплений»: семантика текста как многомерная структура // Критика и семиотика. 2013. Вып. 1 (18). С. 18–44.

Золян С.Т. Семантика и структура поэтического текста. 2-е изд., перераб. и доп. М.: URSS, 2014 [1991].

Лотман М.Ю. Семантическая структура связного текста и проблемы ее представления в АИПС. Таллин: Eesti Informatsiooni Instituut, 1988.

Лотман Ю.М. Текст в тексте // Труды по знаковым системам. [Сб.] 14. 1981. С. 3–18. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 567).

Cresswell M. J. Logics and Languages. L.: Methuen, 1973.

Cresswell M. Language in the World. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Hintikka J. The Semantics of Modal Notions and the Indeterminacy of Ontology // Semantics of Natural Language. Synthese / eds. D. Davidson, G. Harman. Vol. 40. Dordrecht: Springer, 1972.

Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980.

Kripke S. Semantical Analysis of Modal Logic I: Normal Modal Propositional Calculi // Zeitschrift für Mathematische Logik und Grundlagen der Mathematik. 1963. Vol. 9. P. 67–96.

Lewis D. Counterpart Theory and Quantified Modal Logic // Journal of Philosophy. 1968. Vol. 65 (5). P. 113–126.

Lewis D. Truth in fiction // American Philosophical Quarterly. 1978. Vol. 15 (1).

Lewis D. Attitudes De Dicto and De Se // Philosophical Review. 1979. Vol. 88. P. 513–543.

### Об авторе

Сурен Тигранович Золян, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт философии, социологии и права Национальной академии наук Армении, Армения.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

---

<sup>3</sup> Ср. вложенные в уста Бориса Годунова слова «Противен мне род Пушкиных мятежный...».



**Для цитирования:**

Золян С. Т. «Все, что может быть описано, может и случиться...»: К описанию семантики текста как модели межмировых отношений // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №4. С. 72–84. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-6.

**'WHAT CAN BE DESCRIBED CAN HAPPEN TOO...':  
DESCRIBING TEXT SEMANTICS AS A MODEL STRUCTURE  
OF TRANSWORLD RELATIONSHIPS**

S. T. Zolyan<sup>1, 2</sup>

<sup>1</sup> Immanuel Kant Baltic Federal University  
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

<sup>2</sup> Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Armenia  
44 Arami St., Yerevan, 375010, Armenia

Submitted on August 05, 2019  
doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-6

*In this article, I explore the content-related and formal aspects of describing the multidimensional semantic organization of a text, particularly, I focus on the possibility of using the apparatus of modal semantics to identify the relationship between sentential complexes. To those ends, I employ the concepts of model, model structure, and centred world. The latter is a system of functions that correlate language expressions, the language expressions of a text, states of affairs (possible worlds) described by language expressions, and the contexts in which a text occurs. Existence in the worlds of the text correlates with the possibility of description. Presumably, the text is a twofold notion: it refers to a linear sequence of segments and a multidimensional semantic structure. In this work, I demonstrate the possibilities of integrating both approaches. I consider the correlation between the mechanisms of text coherence, on the one hand, and the relationships of transworld accessibility and of the identification of described individuals across possible worlds, on the other. Probably, the variety of cohesion mechanisms does not make it possible to use a single identification mechanism and requires taking into account various competing approaches. I illustrate the above conclusions, using Pushkin's draft 'If I were Tsar...'*

**Keywords:** text semantics, semantic coherence, semantics of possible worlds, Saul Kripke, 'If I were Tsar...' by Pushkin.

**References**

Bondi, S., 1952. Original text and political content of "Imaginary Conversation with Alexander I". In: A. M. Egolin, ed. *Pushkin. Lermontov. Gogol'* [Pushkin. Lermontov. Gogol]. Moscow: AN SSSR Publ. pp. 167–194 (in Russ.).

Gindin, S. I., 1982. Some lessons and possible perspectives of contacts between logic and the linguistic theory of the text. In: *Logicheskii analiz estestvennogo yazyka* [Logical analysis of natural language]. Vil'nyus. pp. 111–115 (in Russ.).

Zolyan, S. T., 2013. "Endless labyrinth of linkages": text semantics as a multidimensional structure. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics], 1 (18), pp. 18–44 (in Russ.).

Zolyan, S. T., 2014. *Semantika i struktura poeticheskogo teksta* [The semantics and structure of the poetic text]. Moscow: URSS (in Russ.).

Lotman, M. Yu., 1988. *Semanticheskaya struktura svyaznogo teksta i problemy ee predstavleniya v AIPS* [The semantic structure of a coherent text and the problems of its presentation in AIPS]. Tallinn: Eesti Informatsiooni Instituut (in Russ.).



Lotman, Yu. M., 1981. Text in the text. *Uchen. zap. Tartuskogo gos. un-ta* [Scientific notes of Tartu State University], 567, pp. 3–18 (in Russ.).

Cresswell, M. J., 1973. *Logics and Languages*. London: Methuen.

Cresswell, M., 1994 *Language in the World*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hintikka, J., 1972. The Semantics of Modal Notions and the Indeterminacy of Ontology. In: D. Davidson, G. Harman, eds. *Semantics of Natural Language. Synthese*. Vol. 40. Springer: Dordrecht.

Kripke, S., 1980. *Naming and Necessity*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Kripke, S., 1963. Semantical Analysis of Modal Logic I: Normal Modal Propositional Calculi». *Zeitschrift für Mathematische Logik und Grundlagen der Mathematik*, 9, pp. 67–96.

Lewis, D., 1968. "Counterpart Theory and Quantified Modal Logic", *Journal of Philosophy*, 65, pp. 113–26.

Lewis, D., 1978. Truth in fiction. *American Philosophical Quarterly*, 15 (1).

Lewis, D., 1979. Attitudes *De Dicto* and *De Se*. *Philosophical Review*, 88, pp. 513–543.

### The author

*Prof. Suren T. Zolyan*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Leading Researcher, Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Armenia, Armenia.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

### To cite this article:

Zolyan, S. T. 2019, 'What can be described can happen too...': describing text semantics as a model structure of transworld relationships, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 4, p. 72–84. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-6.